

Зухра СЕЛИВАНОВА

РАННЯЯ ПРОФОРИЕНТАЦИЯ КАК НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье представлены результаты многолетних (1993–2010 гг.) социологических исследований профессиональных предпочтений городских подростков 14–17 лет, которые доказывают необходимость научно обоснованной государственной политики в сфере ранней профессиональной ориентации.

Results of long-term (1993–2010) sociological researches of professional preferences of city teenagers of 14–17 years old are presented in the article. These results prove the necessity of realizing scientifically well-founded state policy in the sphere of early career-guidance.

Ключевые слова:

государственная политика, профессиональные предпочтения, ранняя профессиональная ориентация; state policy, professional preferences, early career-guidance.

Перед Россией поставлены грандиозные национально-государственные задачи, связанные с модернизацией экономики, развитием высокотехнологичных отраслей и оборонно-промышленного комплекса.

Одной из важнейших проблем экономического проекта является наличие достаточного количества рабочей силы соответствующей квалификации. Эту задачу следует решать с ранней (со школьной скамьи) ориентации подростков на ту или иную область знаний и профессию.

Однако в постсоветской России отсутствует государственная политика на рынке труда, в сфере образования, в информационно-идеологической сфере, что привело к хаотическому изменению мира ценностей, жизненных целей, структуры мотиваций и профессиональных предпочтений молодежи. Без создания и осуществления на современном уровне комплекса государственных действий никакие модернизационные стратегические проекты не осуществимы.

Так, известно, что в многоуровневой системе профориентации большое значение имеет ранняя профориентация подростков 14–17 лет. Именно в этом возрасте они должны пытаться найти себя, определить свое место в жизни и выбрать из громадного множества возможностей и форм деятельности те, которые максимально соответствовали бы конкретной личности, позволили бы ей эффективно реализовать жизненную стратегию и одновременно стать активным участником жизни страны.

Как же обстоит дело в реальности? Приведем результаты многолетних исследований профессиональных предпочтений городских подростков в возрасте 14–17 лет (с дифференциацией по половому признаку, т.к. в зависимости от пола респондента наблюдаются сильные естественные различия в предпочтениях выбора профессии)¹.

На вопрос: «Кем бы ты хотел стать и к чему имеешь некоторые

¹ Приводятся результаты серии повторных социологических исследований, проведенных автором в малых, средних и крупном городах Республики Башкортостан в 1993, 1995, 1997, 1999, 2010 гг. Опрос проводился с соблюдением единых процедур, по единой анкете с пропорциональной квотно-гнездовой выборкой, обеспечивающей репрезентативность свыше 95%. Объем выборки в разные годы составлял от 850 до 950 учащихся школ, техникумов, СПТУ. Различия по возрасту незначительны. Различий по типам населенных пунктов (малый, средний, большой город) и по национальности практически не наблюдается. Ввиду типичности объекта исследования (численность русского населения в исследованных городах, так же как в других городах России, составляет порядка 80% и более) результаты могут быть использованы для оценки ситуации по России в целом.

СЕЛИВАНОВА
Зухра
Кадимовна —
к. соц. н., доцент
Московского
энергетического
института
zoi75@bk.ru

способности?» — предлагалось выбрать до 2 из 25 предложенных вариантов ответов.

Среди юношей на 1-е место устойчиво поместилась профессия предпринимателя, бизнесмена, дающая в глазах подростка наибольшие жизненные шансы для выживания. У юношей желание стать предпринимателем и бизнесменом неуклонно возрастает (в 1993 г. — 25%, в 2010 г. — уже 40%). На 2-е место в рейтинге профессий с 7-го места в 1993 г. (9%) перемещается профессия инженера, конструктора (19% в 2010 г.). На 3-е место с 11-й позиции переходит профессия военного, причем процент желающих стать военными среди юношей неуклонно растет (в 1993 г. — 6%, а в 2010 г. — уже 16%). 4-е место в рейтинге в течение всего периода исследований устойчиво занимает профессия руководителя, менеджера (12–14% респондентов). 5-е место в 2010 г. заняла профессия юриста и работника правоохранительных органов (12%), и хотя произошло резкое падение ее престижности по сравнению с 1997–1999 гг., но в целом отмечается рост числа желающих иметь эту профессию. На 6-е место с 20-го поднялась позиция «артист, писатель, художник» (доля желающих иметь эти профессии выросла в 4 раза), а на 7-е с 15-го места поднялась позиция «дипломат» (4% в 1993 г. и 7% в 2010 г.). Профессии шофера, машиниста понизились в рейтинге с 1-го места в 1993 г. до 8-го–11-го мест в 2010 г., неуклонно снижаясь с 30% в 1993 г. до 6% в 2010 г. На 8-й–11-й позиции оказывается и профессия «медработник, врач», достаточно устойчиво сохраняющая свое положение в рейтинге на протяжении всего периода исследования. При этом почти вдвое увеличилось число желающих стать исследователями и учеными, и возвращает свои позиции вариант «заводской рабочий», которые поднялись в 2010 г. также на 8-е–11-е места с 15-го–18-го мест в 90-х гг. На протяжении всего периода исследований в пределах 5–7% колеблется процент желающих получить такие профессии, как летчик, моряк, устойчиво занимая 14-е–15-е места в рейтинге. Неуклонно снижается число желающих «нигде не работать, но иметь кучу денег» (с 15 до 6%). Наряду с этим растет процент желающих стать «профессиональным мошенником, вором в законе» (с 3 до 5%), и совершенно уместно связать это с тем, что в СМИ, особенно по ТВ, создается романтический

образ преступника, дается искаженное в положительную сторону представление о его социальном статусе, социальной перспективе, морально-духовном облике. В 2010 г. начинает возвращать свои позиции профессия «строитель» (каменщик, плотник, штукатур), совершенно потерявшая престиж в конце 90-х гг. Неуклонно снижается рейтинг позиций: «сельхозработник» (фермер, агроном) — с 8 до 3%; «торговый работник, коммерсант» — с 12 до 2%; «заниматься домом, хозяйством» — процент видящих для себя такую жизненную перспективу сократился в 5 раз, а позиция снизилась с 6-го до 18-го места. Среди юношей все меньше желающих стать учителями, воспитателями — престиж этих профессий упал почти до нуля. Также практически до нуля упали позиции: «конторский служащий» (ИТР, бухгалтер, секретарь, в отделе); «служба быта» (пошив одежды, обуви, ремонт техники, парикмахер); «общепит» (кафе, ресторан, столовая), остается близкой к нулевой отметке и позиция «техничка, дворник».

Теперь рассмотрим динамику выбора профессии и рода занятий девушками. В 2010 г. 1-е место в рейтинге профессий заняла профессия предпринимателя, бизнесмена, набрав 28% голосов по сравнению с 16% (5-е место) в 1993 г. и 8% в 1995 г. Однако динамика выбора этой профессии девушками отличается от динамики выбора юношами достаточно большими колебаниями. Профессия «медработник, врач» сместилась в рейтинге профессий с 4-го на 2-е место в предпочтениях выбора среди девушек (с 17 до 26%). Резко вырос и остается постоянно высоким рейтинг профессий юриста, работника правоохранительных органов, сместившись с 10-го места в 1993 г. на 1-е место в 1995–1999 гг. и на 3-е место в 2010 г. (напомним, у юношей в 2010 г. эта профессия находится лишь на 5-м месте в рейтинге). Как и юноши, девушки стали в два с лишним раза чаще выбирать профессии артиста, писателя, художника; руководителя, менеджера, которые с 7-го–8-го мест переместились на более высокие 4-е–5-е. Но, в отличие от юношей, у девушек процент выбирающих эти профессии больше вдвое (!), что также весьма показательно и традиционно для российской цивилизации, в которой руководящее место женщины традиционно было достаточно высоким. Среди девушек так же, как и среди юношей, с 1993 г. по

2010 г. неуклонно снижается рейтинг следующих позиций, достаточно традиционных для российских женщин в недавнем прошлом: «учитель, воспитатель» — с 30 до 6% (снижение в 5 раз); «заниматься домом, хозяйством» — с 29 до 5% (снижение почти в 6 раз), переместившись с первых мест на 6-е–7-е места; «конторские служащие» (ИТР, бухгалтеры, секретари в отделе) — в 3 раза (8-е место в рейтинге). Несколько выросла позиция «инженер, конструктор», занявшая 9-е место с относительно небольшим процентом выбора (5%), но при достаточно сильном относительном росте (втрое по сравнению с началом 90-х гг). Профессии «исследователь, ученый» и «дипломат», оказавшиеся на 10-м–11-м местах, в среднем остаются стабильным выбором на уровне 4% опрошенных. Как и юноши, девушки хотят быть более деятельными в социальном плане, разуверившись в мифе беззаботной жизни, поэтому с 1993 по 2010 г. позиция «нигде не работать, но иметь кучу денег» теряет уровень (с 10 до 4%). Неожиданно у девушек растет престиж профессии военного, оказываясь на уровне 3% числа опрошенных, тогда как катастрофически теряет свои позиции профессия торгового работника, коммерсанта — в рейтинге она переходит с 3-го места в 1993 г. (25%) на 10-е место в 2010 г. (2%), то есть наблюдается снижение в 12 (!) раз, а также сфера обслуживания (общепит, службы быта), которая демонстрирует постоянное снижение престижности (с 8% в 1993 до 1% в 2010 г.). Традиционно малопривлекательными для девушек остаются профессии сельхозработника, заводского рабочего, строителя, летчика, моряка, профессионального мошенника, технички и дворника, шофера и машиниста (менее 1%), и упал до нуля выбор профессии «валютная проститутка».

Акцентируем внимание на некоторых наиболее важных результатах анализа динамики престижа профессий в глазах подростков.

У подростков изменились критерии определения престижности профессий, система мотивации труда, система факторов, влияющих на выбор профессии. Так, в советский период наблюдалась преобладающая ориентация на интересный, содержательный труд, на гуманистический мотив — приносить пользу стране и людям. Теперь ориентация подростков на

содержание и характер труда отодвинулась на второй план. Критериями престижности стали социальное положение, уровень жизни и доходов, во многом сформировавшиеся под влиянием СМИ, поскольку «в ходе реформ была упразднена идеология особой общественной значимости труда, трудового воспитания. В средствах массовой информации исчез образ честного труженика, передовика производства, вообще всякого трудящегося человека. Быть рабочим, техником, инженером стало не престижно. Произошла замена “героев труда” “идолами потребления”»¹.

Кроме того, имеющиеся в распоряжении подростков бытовые информационные ресурсы и информация СМИ привели к серьезной социальной дезориентации в выборе профессий, который во многом перестал соответствовать перспективным потребностям общества и страны, личным перспективам. Многие общественно значимые и реально востребованные, в т.ч. в перспективе, массовые профессии и роды занятий утратили привлекательность в глазах подростков, а профессии, дающие во многом иллюзорные социальные преимущества, напротив, приобрели в их глазах неоправданно высокий рейтинг. Основная причина заключается в том, что разрушен механизм ранней профориентации молодежи, понимание того, как та или иная профессия может быть связана с долговременными жизненными стратегиями. Так, в гипотетическом обществе, устроенном по закону свободного выбора профессий, на основе приведенных результатов исследований должно было бы быть около 20% юристов, 30% бизнесменов, руководителей, коммерсантов, 15–20% работников сферы социальных услуг (врачи, учителя), около 10% научно-технической интеллигенции (ученые, инженеры и конструкторы), около 10% творческой интеллигенции (артисты, писатели и художники), около 10% военных, летчиков. Лишь 10–15% подростков предполагают свое будущее в роли простого труженика в какой-либо сфере физического труда (рабочие, строители, сфера услуг). Такое разделение труда больше соответствует образу «общества потребления и услуг», к тому же серьезно искаженному российскими СМИ, либо желательному

¹ Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования, 2007, № 4, с. 37.

для Запада курсу России на сырьевую ориентацию, «проедание» природных ресурсов, деградацию высокотехнологичных компонентов экономики. Особенно тревожно, что ослабла система мотивации работников умственного и творческого труда, мотивация на знание, тогда как будущее страны во многом зависит лишь от того, сможем ли мы удержаться на уровне высоких технологий в промышленности, сельском хозяйстве, управлении.

Сложившееся положение является не странным, а скорее закономерным с точки зрения состояния профориентационной работы в стране, определяемой ошибочной установкой на то, что «рынок все сам расставит на свои места» как в экономике, так и на рынке труда. Фактической оценкой результатов 20-летних реформ системы высшего профессионального образования стало выступление вице-преьера РФ С. Иванова весной 2011 г. на заседании коллегии Минобрнауки, где он прямо заявил о переизбытке общего числа вузов в России, о несоответствии качества образования в некоторых из них «современным стандартам», о сильном перекосе в сторону выпуска экономистов и управленцев при одновременном росте дефицита кадров по многим другим специальностям¹. В своих предвыборных статьях В.В. Путин еще более жестко высказался по данной проблеме.

Сложившаяся в России ситуация является результатом ослабления государственной координации на рынке труда, в системе профориентации, в т.ч. явно недостаточной научной обеспеченностью управления рынком труда и профориентационной деятельностью. Если в советское время при организации системы профориентации молодого поколения руководство страны опиралось на содействие значительного числа научных структур — Академии наук СССР, Академии общественных наук, Института молодежи, других научных учреждений, то в период реформ фактически разрушена вся система

организации работы с молодежью, в т.ч. в сфере профориентации, в особенности ее научная подсистема. И это в то время, когда многонаправленная и эффективная работа под патронажем государства и общественности, подкрепленная большим объемом научных исследований и правовых актов, ведется во всех развитых и интенсивно развивающихся странах Европы, в США и Канаде, в Японии, Китае².

Сегодня, когда руководство страны взяло курс на новый модернизационный и технологический прорыв, когда потребуются совершенно иная структура трудовых ресурсов, наблюдается явно нерациональный, нехозяйский подход к расходу трудовых ресурсов, и без того не слишком больших у России.

Да, в России есть Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации³. Однако все три ее приоритета и соответствующие им проекты опять же ориентированы на самоопределение молодежи, ее «свободный выбор». Например, в сфере выбора личностью социальных стратегий за государством остается лишь функция информирования «о потенциальных возможностях развития в России», чего явно недостаточно, тем более в условиях, когда отсутствуют научные разработки по перспективам развития страны.

Представляется целесообразным усиление научного обеспечения, комплексности и программно-целевого начала в управлении, которые все шире используются в мировой практике, становятся все более современными. Необходимо как можно быстрее прийти к пониманию того, что любая государственная политика есть комплекс взаимоувязанных действий во всех сферах жизни общества, который должен быть основан на систематических и постоянных научных расчетах, на прогнозе и планировании в управлении, а программы должны быть ориентированы на конкретные количественные и качественные результаты и подкреплены механизмами и ресурсами исполнения.

¹ С. Иванов отмечал, что из 6 млн. российских студентов почти треть (более 1, 82 млн) — это будущие экономисты и управленцы, гуманитариев — еще 1 млн. В то же время по таким специальностям, как приборостроение и оптотехника обучается чуть больше 50 тыс. чел., будущих специалистов-химиков — 71 тыс., физико-математические науки изучают 87 тыс. чел., радиотехнику — 116 тыс.

² Множество материалов на этот счет можно найти на сайте Allbest.ru.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 № 1760-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации».